
Ю. И. СЕМЕНОВ

**ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ
В ПРЕДЕЛЬНО СЖАТОМ ВИДЕ
С ЕЩЕ БОЛЕЕ КРАТКИМ ПРОГНОЗОМ
НА БУДУЩЕЕ¹**

Всемирная история представляет собой единый процесс, идущий по объективным законам, то есть существующим и действующим независимо от сознания и воли людей. В этом смысле она есть процесс объективный и предопределенный. Но это такая объективная предопределенность, которая не только не исключает, но наоборот, предполагает случайности. Исторический процесс предопределен лишь в главном и основном, но не в деталях. То, чего не может не быть, проявляется в том, что может быть, а может и не быть. Необходимость всегда проявляется и существует только в случайностях. Поэтому в истории всегда были и существуют разные возможности будущего развития. Но если будущее в истории всегда альтернативно, полифуркативно (в определенных объективных границах, конечно), то прошлое – безальтернативно и необратимо. Чтобы понять историю, нужно отвлечься от частных, вскрыть пробивающую себе через все случайности дорогу объективную необходимость, предопределенность.

Всемирная история есть такой единый процесс, который представляет собой восхождение от низшего к высшему. Поэтому су-

¹ Все затронутые в данной статье вопросы детально рассмотрены в других моих работах: Как возникло человечество. – 2-е изд. с новым предисловием и приложениями. – М., 2002; Происхождение брака и семьи. – М., 1974; На заре человеческой истории. – М., 1989; Введение во всемирную историю. – Вып. 1–3. – М., 1997, 1999, 2001; Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. – М., 2003; Политарный («азиатский») способ производства: Сущность и место в истории человечества и России. – М., 2008.

ществуют стадии поступательного развития человечества, а следовательно, и всемирно-исторические эпохи. Такое понимание истории носит название унитарно-стадиального. Из всех существовавших и существующих такого рода концепций истории наилучшей я считаю марксистскую теорию общественно-экономических формаций. Формации суть стадиальные типы общества, выделенные по признаку социально-экономической структуры.

Марксизм, как известно, считает, что в основе развития общества лежит развитие производства. Растут производительные силы общества, что ведет к смене систем социально-экономических отношений, меняются типы общественного производства – способы производства, что влечет за собой смену типов общества: одна общественно-экономическая формация сменяется другой, более прогрессивной. Но отсчет формаций идет не с самого начала истории человечества.

Вся его история совершенно отчетливо подразделяется на два качественно отличных периода, к первому из которых понятие общественно-экономической формации неприменимо. Он представляет собой период превращения животных предков человека в людей и зоологического объединения в человеческое общество, период антропосоциогенеза. Основой этого процесса было становление общественного производства. Возникновение совершенно нового социального качества с необходимостью предполагало и делало необходимым обуздание животного индивидуализма, подавление и введение в социальные рамки зоологических инстинктов. Важнейшим средством обуздания животного эгоизма были первые нормы человеческого поведения – табу. На основе табуитета в последующем возникла мораль. В отличие от животного, действия которого определяются биологическими инстинктами, человек руководствуется чувствами долга, чести и совести.

Первым был обуздан пищевой инстинкт. В качестве социальных рамок для него возникли отношения распределения – исходная и важнейшая форма социально-экономических отношений. Первые социально-экономические связи были коммунистическими. Животный эгоизм мог быть обуздан только человеческим коллективизмом. С появлением первой формы брака – дуально-родового, группового брака – был обуздан половой инстинкт. С введением в

социальные рамки вначале пищевого, а затем полового инстинктов процесс становления человека и общества завершился. Формирующиеся люди превратились в людей уже сформировавшихся, готовых. Кончился период формирования общества, и началась история готового, подлинно человеческого общества. Это произошло совсем недавно, буквально «на днях». Начавшийся 1,9–1,8 млн лет тому назад период антропосоциогенеза завершился примерно около 40 тыс. лет назад. И общественно-экономические формации являются стадиями развития уже готового, сформировавшегося общества.

Первую форму бытия готового общества принято называть у нас первобытным обществом, в западной литературе – примитивным, или эгалитарным, обществом. Оно было единственно существующим в эпоху от 40 тыс. до 5 тыс. лет тому назад. Это время – эпоха первобытного общества. На самой ранней ступени своего развития оно было коммунистическим (первобытно-коммунистическим). На ступени, когда весь общественный продукт был жизнеобеспечивающим, никакой другой формы распределения, кроме распределения по потребностям, существовать не могло.

С развитием производительных сил и появлением регулярного избыточного продукта коммунистические отношения стали препятствием на пути развития общества. В результате стало возникать распределение по труду, а вместе с ним собственность отдельных лиц, обмен и имущественное неравенство. Все это подготовило и сделало неизбежным возникновение частной собственности, эксплуатации человека человеком, тем самым раскол общества на социальные классы и появление государства.

Первые классовые, или, как их обычно называют, цивилизованные общества возникли в XXXI в. до н. э., то есть примерно 5 тыс. лет тому назад. В это время более чем наглядно проявилась одна из особенностей всемирно-исторического процесса – неравномерность развития человеческого общества в целом. Одни конкретные отдельные общества – социоисторические организмы (сокращенно – социоры) – уходили вперед, другие отставали от них в своем развитии. С появлением такой неравномерности человеческое общество в целом начало состоять из нескольких исторических миров. Один такой исторический мир составляли самые пере-

довые для данной эпохи социоисторические организмы, которые можно назвать супериорными (от лат. *super* – сверх, над), другой или другие миры – отставшие в развитии – инфериорные (от лат. *infra* – под).

Первые классовые общества возникли как одиночные острова в море первобытного общества. Одно такое классовое историческое гнездо появилось в междуречье Тигра и Евфрата, другое – в долине Нила. Египетская цивилизация при своем возникновении представляла собой единый социоисторический организм, шумерская цивилизация – систему небольших социоисторических организмов, городов-государств.

Дальнейшее развитие пошло по двум путям. Первый – возникновение новых исторических гнезд, которые существовали как острова в море первобытного общества. Одно из них появилось в долине Инда – цивилизация Хараппы, другое – в долине Хуанхэ – цивилизация Инь, или Шан. Второй путь – возникновение множества классовых социоисторических организмов в пространстве между Египтом и Двуречьем и по соседству с ними. Все они вместе с Египтом и Месопотамией образовали огромную систему классовых социоисторических организмов, охватывавшую весь Ближний Восток. Эта ближневосточная историческая арена, возникнув, стала центром всемирно-исторического развития и в этом смысле мировой системой.

Все социоисторические организмы, оказавшиеся за пределами исторического центра, составили мировую периферию. Одни из этих социоров были классовыми, другие – первобытными. С появлением первых классовых социоров и особенно с возникновением ближневосточной мировой их системы началась вторая эпоха развития готового человеческого и первая эпоха истории цивилизованного общества – эпоха Древнего Востока.

Основой первоначальных классовых обществ был тот антагонистический способ производства, который чаще всего, следуя за К. Марксом, именуют азиатским. Его особенность состоит в том, что он основывался на общеклассовой частной собственности и на средства производства, и на личности производителей материальных благ. Частным собственником при этом был только эксплуататорский класс в целом, а не один из его членов, взятый в отдельно-

сти. Общеклассовая частная собственность выступала в форме государственной, что обуславливало совпадение господствующего класса с составом государственного аппарата. Поэтому данный способ производства лучше всего именовать политарным (от греч. *полития* – государство). Все политаристы составляли корпорацию – политосистему, возглавляемую политархом, который был одновременно верховным распорядителем прибавочного продукта и правителем государства. Политарх имел право на жизнь и смерть всех своих подданных, включая и политаристов.

Показателем уровня развития производительных сил является объем продукта, создаваемого в обществе, в расчете на душу его населения. Этот показатель – продуктивность общественного производства – может быть повышен разными способами.

В политарном обществе рост продуктивности общественного производства и тем самым производительных сил достигался главным образом путем увеличения рабочего времени – числа рабочих дней в году и рабочих часов в день. Этот темпоральный (от лат. *tempus* – время) способ повышения продуктивности общественного производства носил ограниченный характер. Рано или поздно наступал предел, за которым увеличение рабочего времени вело к физической деградации главной производительной силы – человека-работника. Наступал откат. Все это повторялось много раз в истории политарных социоисторических организмов.

С этим прежде всего и связан циклический характер развития обществ Древнего Востока: они возникали, расцветали, а затем вступали в эпохи упадка и даже гибели. Политарная, общественно-экономическая формация была тупиковой. Она не была способной превратиться в другую, более прогрессивную.

Выход из тупика стал возможным потому, что кроме политарных обществ продолжали существовать и первобытные, включая самые поздние из них – предклассовые, причем разнообразных социально-экономических типов. Предклассовые общества, находившиеся по соседству с ближневосточной мировой системой, подверглись мощному культурному, политическому и экономическому воздействию с ее стороны. В результате они усвоили все основные достижения политарных обществ, что существенно сказалось на всем их развитии.

Оно стало иным, чем эволюция протополитарных (формирующихся политарных) предклассовых обществ, из которых возникли первые политарные общества. Подвергнувшись воздействию мировой политарной системы предклассовые общества в конце концов тоже превратились в классовые общества, но только совсем иного типа, чем древневосточные. В конечном счете в них утвердился не политарный, а качественно иной способ производства, именно тот, который обычно называют рабовладельческим, или античным.

В VIII в. до н. э. возникло греческое историческое гнездо, затем к нему присоединились этрусское, латинское, карфагенское гнезда. Все они, вместе взятые, образовали новую историческую арену – средиземноморскую, которая стала с тех пор центром всемирно-исторического развития. Так в масштабах человечества в форме смены мировых систем социоров двух разных социально-экономических типов произошла смена политарной формации античной формацией. Свершилась передача исторической эстафеты от политарного Ближнего Востока к античному Средиземноморью. С перемещением исторического центра в возникшую новую античную арену ближневосточная политарная историческая арена перестала быть мировой системой. Она вошла в состав мировой периферии. С превращением средиземноморской исторической арены в мировую систему кончилась вторая эпоха всемирной истории – эра Древнего Востока и началась третья – эпоха античности.

Если в эпоху Древнего Востока за пределами мировой системы существовали только множество первобытных социоисторических организмов и несколько изолированных политарных исторических гнезд, то в античное время классовая историческая периферия стала состоять из множества политарных исторических арен. Ими была заполнена большая часть Старого Света, а к I тысячелетию до н. э. две политарные исторические арены – мезоамериканская и андская – возникли в Новом Свете.

Принято считать, что античный мир базировался на рабстве. Но рабство рабству рознь. Рабство само по себе еще не есть способ производства. Оно есть экономическое и правовое состояние, при котором один человек является полной собственностью другого. Но раб совершенно необязательно должен использоваться в произ-

водстве материальных благ. Он может быть камердинером, няней, учителем, чиновником и т. п. Даже когда раба используют в производстве, его труд может играть чисто вспомогательную роль. В таком случае говорят о домашнем, или патриархальном, рабстве.

Труд рабов становится основой общества только тогда, когда возникают особые хозяйственные ячейки производства, главную силу в которых составляют рабы. А это с необходимостью предполагает систематический ввоз рабов извне общества. Именно таким было античное рабство. Рабство существовало и в древневосточном обществе. Но только в античном мире возник особый способ производства, основанный на труде рабов, – серварный (от лат. *servus* – раб) способ производства.

Повышение продуктивности общественного производства было основано в античном мире на увеличении доли работников в составе населения общества за счет ввоза дополнительной рабочей силы извне социоисторического организма. А это означало вырывание этой рабочей силы из окружающих социоров. Главным источником рабов была историческая периферия, прежде всего поздняя первобытная – предклассовая, или варварская, периферия.

Таким образом, античный мир жил во многом за счет варварской периферии. Характерный для античного общества способ повышения продуктивности общественного производства может быть назван демографическим. Его возможности, также как и возможности темпорального способа, были ограниченными.

Нормальное функционирование античного общества предполагало непрерывную внешнюю экспансию. Но это наступление на историческую периферию рано или поздно должно было захлебнуться. Когда это произошло, наступил всеобщий упадок, деградация античного мира. Античная (серварная) общественно-экономическая формация, как и политарная, оказалась тупиковой. Она, как и политарная, не могла превратиться в более прогрессивную формацию.

С упадком античного мира варварская периферия перешла в контрнаступление. В конце V в. уже н. э. античной мировой системе пришел конец. Античный мир рухнул под ударами варваров. Вся территория последней великой античной державы – Западной Римской империи – была завоевана германскими племенами. И это

открыло возможность выхода из исторического тупика, в котором снова оказалось человечество.

На территории Западной Европы (бывшей Западной Римской империи) произошло органическое слияние, соединение римских (классовых) и германских (предклассовых) социально-экономических структур (романо-германский синтез), в результате которого возникли социально-экономические отношения качественно нового типа – феодальные.

Феодальные социоисторические организмы, вместе взятые, образовали новую историческую арену, которая стала центром всемирно-исторического развития и тем самым мировой системой. На смену античной общественно-экономической формации пришла феодальная. Смена античной формации феодальной произошла, как ранее смена политарной формации античной, в рамках не отдельных социоисторических организмов, а человеческого общества в целом, и носила характер исторической эстафеты. Она, как и смена политарной формации античной, произошла в форме смены мировых систем социоисторических организмов разных типов и сопровождалась территориальным перемещением центра всемирно-исторического развития. С началом становления феодальной западноевропейской мировой системы античная эпоха сменилась четвертой эрой всемирной истории – эпохой Средних веков.

За пределами мировой системы продолжали существовать множество первобытных социоисторических организмов и большое число политарных исторических арен. В Северной, Центральной и Восточной Европе шел процесс трансформации предклассовых обществ в классовые общества. Но ни античных социально-экономических структур, ни их обломков там не было. Поэтому романо-варварский синтез иметь места там не мог, и соответственно там не мог возникнуть феодализм.

Но эти общества находились в зоне мощного воздействия существующих классовых обществ – западноевропейского, с одной стороны, византийского – с другой. В результате они сделали шаг вперед и одновременно в сторону, вбок. Там возникли классовые общества нескольких особых социально-экономических типов, отличных и от политарного, и от античного, и от феодального. Эти неосновные социально-экономические типы можно назвать общественно-экономическими параформациями.

Так наряду с магистральной линией человеческой истории возникло несколько боковых исторических путей. Один исторический мир образовался в Северной Европе, другой – в Центральной и Восточной Европе. От последнего в дальнейшем развитии отделился еще один новый исторический мир – российский.

Характерной особенностью позднего Средневековья был теснейший симбиоз феодального и торгово-бюргерского способов производства. Именно развитие городов с их торгово-бюргерской системой хозяйства подготовило и сделало возможным, а затем и необходимым появление в XVI в. нового способа производства – капиталистического. Капитализм самостоятельно, спонтанно возник только в одном месте земного шара – в Западной Европе. С превращением феодально-бюргерских социоисторических организмов в капиталистические социоры на смену мировой западноевропейской феодальной системе пришла западноевропейская же, но уже капиталистическая система. Она сразу же стала центром всемирно-исторического развития и тем самым мировой системой. Со сменой мировых систем произошел переход от эпохи Средних веков к пятой эре всемирной истории – эпохе Нового времени.

Развитие капитализма происходило по двум направлениям: вглубь и вширь. Развитие вглубь – это формирование и созревание капитализма в странах Западной Европы. Там прогремели буржуазные революции, в результате которых власть перешла в руки класса капиталистов, развернулась промышленная революция – смена ручного производства машинным. С появлением машин под капитализм была подведена адекватная техническая база, и в результате начался неуклонный прогресс производительных сил общества. Вышедший на первый план при капитализме технический способ повышения продуктивности общественного производства в отличие от темпорального и демографического способов, казалось, не имел никаких пределов.

Наряду с развитием капитализма вглубь шло его развитие и вширь. В процессе эволюции классового общества существовавшие в те или иные эпохи мировые системы всегда оказывали большое воздействие на историческую периферию. Но это влияние в предшествующие эпохи сказывалось лишь на большей или меньшей части периферийных социоров, которые образовывали ближай-

шую, или внутреннюю, периферию. Эти социоисторические организмы попадали в зависимость от центра, в частности подвергались эксплуатации с его стороны. Внешняя же периферия продолжала вести вполне самостоятельное существование.

С появлением мировой западноевропейской капиталистической системы положение изменилось. В течение нескольких столетий мировая капиталистическая система втянула в сферу своего влияния практически всю периферию. Впервые все существовавшие на земном шаре социоисторические организмы образовали одну систему. Возникшее в результате развернувшегося процесса интернационализации всемирное историческое пространство четко разделилось на две основные части.

Первая часть – мировая капиталистическая система, которая была центром исторического развития. Она не оставалась неизменной. Если первоначально она включала лишь государства Западной Европы, то в последующем в нее вошли страны Северной Европы и социоисторические организмы, возникшие в других частях света путем отпочкования от западноевропейских обществ (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия). Западноевропейская мировая система превратилась после этого просто в западную.

Вторая часть – все прочие социоисторические организмы, продолжавшие составлять историческую периферию, которая в конце концов вся за редчайшим исключением стала, во-первых, внутренней, во-вторых, зависимой от исторического центра. Зависимость периферии от центра означала господство центра над периферией. Эта зависимость обществ периферии от стран центра (и соответственно господство последних над первыми) выражалась в том, что центр в разнообразных формах эксплуатировал периферию, безвозмездно присваивал часть продукта, созданного в обществах периферии. Эта эксплуатация является не внутрисоциальной (эндосоциальной), а внесоциальной (экзосоциальной), межсоциальной (интерсоциальной). Для этого вида эксплуатации не существует термина. Я буду называть ее международной рабской зависимостью, международным рабством.

Существуют две основные формы этой эксплуатации. Одна предполагает превращение страны в подъяремную колонию. Это колониальная эксплуатация, колониальное рабство. Другая форма –

эксплуатации подвергается страна, формально остающаяся суверенным и в этом смысле политически независимым государством. Такого рода социоисторические организмы можно назвать депенденионами (от лат. *dependetio* – зависимость), а форму их эксплуатации – депендетиальным рабством.

Вовлечение периферийных стран в сферу зависимости от центра влекло за собой проникновение и развитие в них капиталистических отношений. Страны периферии, в которых ранее господствовали различного рода докапиталистические социально-экономические отношения, включая древнеполитарные, начали превращаться и конце концов превратились в капиталистические социоисторические организмы.

Здесь более чем наглядно проявилась одна из важных особенностей всемирно-исторического развития. Как видно из всего сказанного выше, всемирная история не есть процесс одновременного подъема всех социоисторических организмов с одной стадии на другую, более высокую. Никогда не было и не могло быть социоисторических организмов, которые прошли бы стадии исторического развития. Одна из причин – никогда не было социоисторических организмов, которые просуществовали бы в течение всей истории человечества. В истории сменялись не только стадии, но и социоисторические организмы. Они возникали и затем исчезали. На смену им приходили другие.

Поэтому общественно-экономические формации всегда были прежде всего стадиями развития человеческого общества в целом. Пройти все без исключения формации могло лишь человеческое общество в целом, но ни в коем случае не один какой бы то ни было социоисторический организм, взятый в отдельности. Формации могли быть стадиями развития отдельных обществ, но это было совершенно необязательно. Одни общественно-экономические формации могли воплощаться в одних социоисторических организмах, другие – в совсем иных. Только такая интерпретация теории общественно-экономических формаций, которая получила название глобально-стадиальной, глобально-формационной, соответствует исторической реальности.

Как мы уже видели, начиная с возникновения первых классовых обществ смена общественно-экономических формаций шла

в форме смены мировых систем супериорных социоисторических организмов, влекущей за собой смену всемирно-исторических эпох. Каждая такая мировая система супериорных социоисторических организмов подготовляла и делала возможной появление другой, более передовой. Смена ближневосточной политарной мировой системы средиземноморской античной мировой системой, античной – западноевропейской феодальной, а последней – западной капиталистической мировой системой – это магистраль всемирной истории.

С появлением каждой новой мировой системы изменялся характер исторического развития инфериорных социоисторических организмов, оказавшихся в зоне ее влияния. Они больше не могли развиваться так, как развивались организмы, ставшие супериорными, проходить те ступени, которые проходили последние. Пройденные супериорными социоисторическими организмами ступени зачастую становились пройденными и для инфериорных социоров, которые никогда их не достигали.

Эта закономерность с особой очевидностью обнаружилась с появлением мировой капиталистической системы, в сферу влияния которой была втянута вся историческая периферия. С этих пор для всех обществ, на какой бы стадии исторического развития они ни находились, неизбежным стал переход к капитализму и только капитализму. Историки иногда говорят, что те или иные общества могут миновать и минуют, пропускают те или иные стадии исторического развития. В действительности в создавшихся условиях они не могли их не миновать. Когда передовая часть человечества достигла стадии капитализма, то для всех без исключения инфериорных обществ все стадии развития, которые они сами не проходили, оказались для них уже пройденными.

Отсюда, казалось бы, следовал вывод, что как только все инфериорные социоисторические организмы станут капиталистическими, исчезнет деление человеческого общества в целом на исторические миры и тем самым – на исторический центр и историческую периферию. Но реальное историческое развитие оказалось сложнее.

Возникавший в периферийных странах капитализм в силу их зависимости от мирового центра оказался качественно отличным от того, что существовал в государствах последнего. В науке он

получил название зависимого, или периферийного, капитализма. Для краткости я буду называть его паракапитализмом (от греч. *para* – возле, около), а капитализм центра – ортокапитализмом (от греч. *orthos* – прямой, правильный).

Если страны центра относились к капиталистической общественно-экономической формации и тем самым к одному историческому миру, то общества периферии – к паракапиталистической общественно-экономической параформации и тем самым – к другому историческому миру. В конце XIX в. в число зависимых паракапиталистических стран вошла и царская Россия.

Капиталистическая мировая система долгое время не была политически единой. Между государствами, входившими в ее состав, имело место соперничество из-за колоний, из-за сферы влияния. Раскол центра на группировки, которые вели борьбу за раздел и передел периферийного мира, привели к двум мировым войнам (1914–1915 гг. и 1939–1945 гг.).

Периферийный капитализм, порожденный зависимостью от Запада, обрекал эти страны на отсталость, а их население – на беспросветную нищету. Поэтому в них начали вызревать революции, имеющие целью ликвидацию паракапитализма и освобождение страны от эксплуатации со стороны Запада – социорно-освободительные (национально-освободительные) революции.

Первая волна этих революций развернулась в два первых десятилетия XX в.: Россия, Персия, Турция, Китай, Мексика и снова Россия. Одна из этих революций – Великая Октябрьская рабоче-крестьянская революция 1917 г. в России – завершилась победой. Она шла под знаменем социализма, но к бесклассовому обществу не привела и привести не могла. Производительные силы России для этого не созрели.

Поэтому неизбежно было возрождение в стране частной собственности и классового общества. И оно возродилось, но в новой форме. В России возник новейший вид политаризма – неополитаризм. Но освобождение страны от полуколониальной зависимости от Запада сделало возможным ее мощный рывок вперед. Из отсталой, в основном аграрной страны Россия, став Советским Союзом, в считанные годы превратилась во вторую индустриальную державу мира, а затем стала одной из двух супердержав.

Октябрьская революция, вырвав Россию из периферийного мира, заложила основу новой мировой системы – неополитарной, которая окончательно оформилась после второй волны социорно-освободительных революций, прокатившейся в 40–50-е гг. XX в. по странам Центральной Европы и Восточной и Юго-Восточной Азии. В результате резко сократилась территория паракапиталистической периферии и на земном шаре возникли две мировые системы, два мировых центра. Эта конфигурация всемирного исторического пространства выразилась в общественном сознании в тезисе о существовании трех миров: первого, под которым понимался ортокапиталистический центр, второго – мировой неополитарной системы, которую было принято именовать социалистической, и третьего – продолжавшей зависеть от ортокапиталистического центра паракапиталистической периферии.

Но к концу XX в. неополитаризм в СССР и странах Центральной Европы исчерпал свои прогрессивные возможности. Нужна была новая, на этот раз действительно социалистическая, революция, но в реальности произошла контрреволюция. В возникших после распада СССР новых государствах, включая самый большой его «обрубок» – Российскую Федерацию, но исключая Белоруссию, и в большинстве неополитарных стран Европы произошла реставрация периферийного капитализма. Они снова стали депендетионами Запада.

В результате произошло изменение конфигурации всемирного исторического пространства. Все страны мира разделились на четыре группы: (1) ортокапиталистический мировой центр; (2) старая зависимая периферия; (3) новая зависимая периферия и (4) независимая периферия (Северная Корея, Китай, Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Мьянма, Иран, Ирак, Югославия, Белоруссия, Куба).

На эту конфигурацию наложился новый процесс, начавшийся в последней четверти XX в., – глобализация. Если начавшаяся на рубеже XV–XVI вв. интернационализация заключалась в соединении всех социоров в единую всемирную систему, то глобализация – в объединении всех социоров в один всемирный (глобальный) социоисторический организм.

Всемирная система к этому времени включала в себя две большие группы социоров, из которых одна эксплуатировала другую.

В результате глобальный социор начал формироваться как классовый, как расколотый на два глобальных класса. Мировая ортокапиталистическая система начала превращаться в глобальный эксплуататорский класс, страны зависимой паракапиталистической периферии – в глобальный эксплуатируемый класс. А где классы, там неизбежна классовая борьба. Человечество вступило в эпоху глобальной классовой борьбы.

В качестве нападающей стороны выступил ортокапиталистический центр. Для него создались самые благоприятные условия. Если в прошлые времена он был расколот на враждующие группировки, то после окончания Второй мировой войны он стал в основном единым. У него появился один лидер – США. Он сплотился организационно: значительная часть его социоров вошла в общий военный союз – НАТО и общий экономический союз – ЕС. Империализм перерос в ультраимпериализм.

Однако в период до начала 90-х гг. возможности действий ортокапиталистического центра были весьма ограничены. На ультраимпериалистического зверя был надет намордник в лице могущественной неополитарной мировой системы. Ортокапиталистический центр вынужден был смириться и с выпадением большого числа стран из паракапиталистической периферии, и с исчезновением колониальной системы, после которого все сохранившиеся паракапиталистические социоры стали депендетионами.

С распадом СССР и исчезновением мировой неополитарной системы, казалось, наступило время реванша.

Еще раньше странам центра стало ясно, что депендетионы труднее эксплуатировать, чем колонии. Поэтому перед западным центром встала задача – снова установить над периферийным миром свое полное и безраздельное господство, заново колонизировать его.

Но возврат к колониям прежнего типа в новых условиях был невозможен. Выход был найден в насаждении в периферийных странах таких режимов, при которых их правительства навсегда бы превратились в марионеток Запада, прежде всего США. С тем чтобы руководителей этих стран было легко держать в повиновении и без лишнего труда менять, эти режимы должны были быть внешне демократическими. Такого рода страны А. А. Зиновьев предложил именовать «демократическими колониями». Я буду их именовать

сателлитами. Борьбу за мировое господство США и их союзники стали вести под лозунгом демократизации всех стран мира.

Наибольшую опасность для Запада представляли, конечно, страны независимой периферии. С них он и начал. Но Китай был явно ему не по зубам. Первой жертвой стала Югославия. «Отпавшие» от нее части – Хорватия, Словения, Македония, Босния и Герцеговина – сразу же превратились в сателлитов. На оставшуюся в составе Сербии и Черногории Югославию Западом было совершено бандитское нападение. От Сербии было отчленено Косово. Сама она в результате организованной в первую очередь США «цветной» революции стала сателлитом Запада. Заключительный аккорд – отделение Черногории, еще раньше ставшей сателлитом.

Под флагом борьбы с международным терроризмом войска НАТО вошли в Афганистан. Произошло нападение США и Великобритании на Ирак. Страна была оккупирована иностранными войсками. Была совершена «цветная» революция на Украине, предпринята попытка подобного рода государственного переворота в Белоруссии, закончившаяся полным провалом. То и дело происходит утечка сведений о готовящемся ракетном и бомбовом ударе по Ирану.

Наряду с военным и политическим наступлением идет идеологическая и культурная экспансия центра. Но распространяется теперь Западом вовне вовсе не та его великая культура, которая была создана в эпоху Возрождения и Нового времени, а нынешняя коммерцкультура, не имеющая ничего общего с подлинным искусством. С Запада мутным зловонным потоком льется волна пропаганды насилия, жестокости, аморализма, разврата, гомосексуализма и т. п.

Эта западная псевдокультура, разумеется, стоит неизмеримо ниже, чем местная аборигенная культура народов периферии. Большинство населения периферийных стран встречает ее в штыки. В результате в их глазах сопротивление Западу предстает прежде всего как борьба за сохранение своих традиционных культурных ценностей. Как следствие значительным числом западных и не только западных политологов глобальная классовая борьба была осознана как столкновение цивилизаций: западной, с одной стороны, незападных – с другой.

Напор Запада встречает не только идейный протест, но и другие формы сопротивления. Проявлением глобальной классовой борьбы является развернувшееся в последние десятилетия мощное антиглобалистское движение, а также идущий под знаменем радикального исламизма международный терроризм.

Но главные действующие лица в глобальной классовой борьбе все же не отдельные люди и даже не большие их группы, а социо-исторические организмы. Мир, возникший после исчезновения мировой неополитарной системы, обычно характеризуют как однополярный. Это и верно, и неверно. Неверно, ибо мир расколот на две группы стран с противоположными интересами. Верно, ибо из этих двух групп социоисторических организмов не просто даже системой, но и могучей организованной экономической, политической и военной силой является только центр, что и позволяет ему господствовать и попирает все принципы международного права, действовать по принципу помещика из известной Некрасовской поэмы:

*Ни в ком противоречия,
Кого хочу – помилюю,
Кого хочу – казню.
Закон – мое желание!
Кулак – моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный.
Удар скуловорот!*

Что же касается стран периферии, то они никогда не образовывали единой системы. Их объединяла лишь зависимость от общих хозяев. Эти страны были разобщены, между ними существовало и существует множество противоречий. Поэтому они не представляли собой силы. Этой разобщенностью пользовался центр. Он всегда руководствовался давно известным правилом – «разделяй и властвуй». Для этого он пускал в ход и кнут, и пряник. Часть стран периферии, с одной стороны, из-за страха, с другой – из желания получить подачки с господского стола стали сателлитами центра. Так образовалась холопская, холуйская, лакейская периферия, которая в своем отношении к другим периферийным странам по части наглости превзошла даже хозяев.

Такими добровольными сателлитами Запада стали практически все страны Центральной и Южной Европы (Польша, Литва, Лат-

вия, Эстония и др.), а также Грузия. Они в большинстве своем были включены в организации, объединявшие первоначально в основном лишь страны центра, – НАТО и ЕС. Именно страны центра и страны лакейской периферии имеют обычно в виду, когда говорят о международном, или мировом, сообществе, ссылаются на его мнения, его оценки происходящих событий.

Страны остальной периферии при этом во внимание не принимаются: они как бы не существуют. И понятно, почему: в любом классовом обществе, не исключая и глобальное, господствующей идеологией всегда является идеология господствующего класса.

Создание холуйской периферии во многом было инициировано США. Страны центра составляют одну бандитскую шайку. Но это не означает, что между ними существует полное единство. Имеются противоречия как между отдельными рядовыми ее членами, так и между последними и «атаманом». Главарь нередко давит на рядовых, пытаясь превратить их из пусть младших, но все же партнеров, в слуг. Те оказывают посильное сопротивление.

Иногда рядовые пытаются обуздать главаря, когда он чрезмерно зарывается. Так, например, Франция и Германия выступили против разработанного США плана нападения на Ирак. И США, добившись приема стран лакейской периферии в НАТО и Евросоюз, используют их для давления на своих не всегда достаточно покорных ортокапиталистических партнеров.

Если холуйская периферия в целом пока согласна поддерживать существующее положение вещей, то остальная периферия в целом им недовольна. Но многие из этих недовольных вынуждены мириться с существующим порядком. И даже те, что являются его противниками, не решаются вступить в открытый конфликт со странами центра.

Но сейчас кроме скрытых противников «нового порядка» начинают появляться все больше и прямых, открытых. Это прежде всего страны независимой периферии, в частности Иран и Белоруссия. Сейчас на наших глазах протекает третья волна социорно-освободительных революций. Они происходят в Латинской Америке. Страны, в которых разворачиваются эти революции, встают с колен и бросают вызов прежде всего лидеру центра – США. Это Венесуэла, Боливия, Эквадор, Никарагуа.

Борьба против Запада требует для своего успеха объединения стран периферии. И эта объективная необходимость все больше начинает пробивать себе дорогу, нередко независимо от субъективных намерений правящих верхов периферийных стран. В Евразии возникла Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), включающая в себя Россию, Китай, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан. В качестве наблюдателей в ее работе принимают участие Монголия, Иран, Индия, Пакистан. Все они желают войти в ее состав, Иран даже подал официальную заявку.

Хотя руководители стран ШОС всячески подчеркивают, что эта организация создана вовсе не с целью противостояния каким-либо другим странам, ее антиамериканская и – шире – антизападная ориентация очевидна. Недаром США было отказано в праве участвовать в ее деятельности в качестве даже наблюдателя. Многие политологи видят в ШОС своеобразное анти-НАТО. В рамках ШОС были проведены совместные российско-китайские военные учения. В рамках СНГ была создана Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

В Латинской Америке была создана организация под названием Боливарианской альтернативы для латиноамериканских стран в составе Кубы, Венесуэлы и Боливии, отличающаяся резкой антиамериканской направленностью. Недавно к ней присоединился Гондурас. Со стремлением совместными силами противостоять США связано создание в 2008 г. Южноамериканского союза наций (УНАСУР) в составе Аргентины, Боливии, Бразилии, Чили, Колумбии, Эквадора, Гаяны, Парагвая, Уругвая, Перу, Суринама и Венесуэлы. В Эквадоре и Парагвае ликвидируются военные базы США. Возник треугольник Каракас – Минск – Тегеран. Возникла аббревиатура БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) для обозначения постепенно приобретающего все более отчетливые очертания своеобразного неформального союза четырех крупнейших стран периферийного мира. Таким образом, сделаны первые шаги к объединению периферийного мира.

Огромную важность для судеб периферийного мира играет позиция России, которая является самой крупной по территории державой мира, занимающей более половины Европы и значительную часть Азии. Правящая верхушка оформившейся после распада

СССР в качестве самостоятельного государства Российской Федерации сразу же встала на путь всемерного угождения Западу и особенно США. Руководство России, пренебрегая интересами собственной страны, усердно выполняло все указания «вашингтонского обкома».

Это продолжалось и после того, как Б. Н. Ельцин был замещен на посту президента В. В. Путиным. Американцы приказали утопить «Мир» – утопили, повелели закрыть станцию слежения на Кубе – закрыли, потребовали покинуть базу в Камрани (Вьетнам) – покинули и т. п. Число уступок было бесконечным. Но в ответ на них Россия получала требования все новых и новых уступок и плевки в лицо.

Россию тянули в лакейскую периферию, но при этом отказывали в подачках, которые получали другие добровольные холоуи Запада. В ответ на стремление российского руководства угодить США и Западу те старательно занимались набрасыванием на ее шею петли. Цель – под угрозой удушения вести Россию за собой в качестве рабыни. Это выражалось и в постоянном приближении НАТО к границам России, и в создании на территории новых членов этого союза военных баз, радаров и ракетных комплексов.

Рано или поздно полное пренебрежение российского руководства национальными интересами стало угрожать самому существованию страны. Все более и более настоятельной необходимостью становилась перемена политики. И изменения начались. Но они шли с постоянной оглядкой на Запад, с постоянными отступлениями, бесконечными шатаниями и колебаниями. Россия выступила, например, против жестких санкций против Ирана, но, однако, не против санкций вообще. По этому поводу невольно вспоминается известная русская присказка о чем-то, болтающемся в проруби.

Но вот президент Грузии М. Саакашвили бросил свою до зубов вооруженную США и рядом других государств и обученную американскими инструкторами армию против крошечной Южной Осетии с целью поголовного истребления или изгнания осетинского населения. В случае успеха он собирался проделать то же самое с Абхазией.

М. Саакашвили рассчитывал, что Россия, несмотря на все высказывавшиеся предостережения, не осмелится вступить за осе-

тин, боясь неизбежного резкого осуждения этих действий со стороны США и вообще всего Запада в целом. Но российское руководство, прекрасно зная, что за этим последует, решилось на конфликт с Западом. Рубикон был перейден.

Части российской армии буквально за пять дней наголову разгромили грузинские войска, уничтожили военно-воздушные и военно-морские силы Грузии и ликвидировали почти всю ее военную инфраструктуру (базы, радарные станции и т. п.). Грузинские солдаты в панике бежали, что дало наблюдателям основание едко заметить, что грузинскую армию, по-видимому, тренировали американские инструктора по бегу. Дорога на Тбилиси была открыта, но российские войска, принудив Грузию к миру, остановились.

Упоминавшееся выше мировое сообщество разразилось бурей негодования. Люди, выдавшие себя за непримиримых поборников прав человека, дружно ринулись на защиту Саакашвили и его подельников, фактически тем самым полностью одоббив предпринятый ими геноцид. Но Россия, несмотря на все эти истерические вопли, продолжила начатое дело: признала и надежно гарантировала независимость и Южной Осетии, и Абхазии.

Из всех стран Запада особенно горячились США. Из уст их руководителей уже после окончания военных действий посыпались угрозы и настоятельные требования самого сурового наказания России. Самые холуйствующие сателлиты Запада (Польша, Литва, Латвия, Эстония) выступили с предложениями о введении против России жесточайших санкций. Заговорили было о санкциях и некоторые страны Западной Европы. Но, просчитав их возможные последствия, замолчали. Стало ясно, что они бумерангом обернутся против них же самих.

США и НАТО послали было к берегам Грузии свои военные корабли, совершенно забыв при этом, что время «дипломатии канонерок» кончилось, да ее никогда и не применяли против таких стран, как Россия. Пребывание этого флота в Черном море оказалось совершенно бессмысленным делом. Это поняли даже лидеры Евросоюза, высказавшие опасение, что это приведет лишь к обострению напряженности, в то время как нужно ее снимать. Убедившись в том, что никакого толку от пребывания военных судов в Черном море нет и не будет, США вынуждены были вывести их.

Все свелось лишь к трате столь дорогого сейчас топлива. Ни пользы это США не принесло, ни славы не добавило. В результате США и Запад в целом оказались не в состоянии принять какие-либо реальные меры против России. Тем самым они наглядно продемонстрировали свое бессилие.

В результате этих событий был нанесен серьезный удар по престижу прежде всего США, которые оказались не в состоянии защитить своего преданнейшего холоуя, что было суровым уроком и для всех остальных американских лакеев.

Россия одержала огромную и военную, и политическую победу. Главной же была ее победа над собой. Россия убедилась, что она может, не боясь Запада и не считаясь с ним, отстаивать свои интересы. Это был урок для всего мира: и для центра, и для периферии. Оказалось, что даже одна страна, правда, такая, как Россия, может успешно противостоять Западу. Стало ясно, что в случае своего объединения периферия вполне может полностью покончить с его господством над миром.

Смехотворными оказались угрозы США и Запада поставить Россию в положение изоляции от всего мира. Как заметил по этому поводу президент Ирана Махмуд Ахмадинежад, НАТО и ЕС – еще не весь мир. В периферийном мире, исключая лакейскую периферию, действия России повсеместно вызвали понимание и одобрение. Об этом сразу же сказал президент Ирана. То же самое заявил и президент Венесуэлы Уго Чавес. О признании Южной Осетии и Абхазии как суверенных государств объявила Никарагуа. ШОС, представляющая вместе с наблюдателями половину населения нашей планеты, выразила одобрение активным действиям России на Кавказе. Единодушно осудили агрессию Грузии и выразили согласие с акциями России и страны ОДКБ. Но не получилось изоляции России не только от всего мира, но даже и от Западной Европы. Евросоюз, осудив Россию, одновременно несколько раз подчеркнул необходимость дальнейшего тесного сотрудничества с ней.

В целом события августа 2008 г. явились переломным моментом в истории современного мира. Как признал президент Франции Николя Саркози, с этого момента однополярному миру пришел конец. Совершенно отчетливо выявилось, что кроме того мирового сообщества, к которому принадлежат и о котором без конца гово-

рят западные политики и публицисты, а также их приспешники, за его пределами отчасти возникает, отчасти уже существует и другое, второе сообщество, которое имеет больше основания называть себя мировым, ибо оно представляет собой 5/6 населения Земли.

Борьба центра и периферии будет длительной. Но исход ее в целом уже предreshен: поражение Запада неминуемо. И ему не поможет его экономическая мощь. Могучей экономической силой становится крупнейшая из стран независимой периферии – Китай. В 2007 г. он контролировал уже 13,2 % мирового объема промышленного производства, догоняя лидера центра – США, доля которых равнялась примерно 20 %. По прогнозу исследовательского центра «Global Insight», уже в 2009 г. эти страны поменяются местами: доля Китая будет составлять 17 %, США – 16 %.

Но главное, конечно, – сплочение стран периферии. Объединившись, периферия покончит с господством Запада, с зависимостью от него. Уничтожение эксплуатации стран периферии государствами Запада будет означать ликвидацию паракapитализма и тем самым капитализма в этих странах вообще. Покончив с эксплуатацией со стороны Запада, периферия тем самым перестанет быть периферией. Она станет центром.

Что же касается ортокапиталистического центра, то, лишившись притока прибавочного продукта извне, он будет обречен на коренные перемены своего общественного строя. Сейчас на Западе появилась масса литературы, в которой обсуждаются сценарии будущего человечества. И в большинстве этих работ неизменно присутствует констатация давно уже начавшегося и неуклонно продолжающегося упадка Запада. Почти во всех этих произведениях проводится аналогия современного положения на Западе с последними веками существования Римской империи, когда она шла к своей неизбежной гибели в результате полного внутреннего разложения и напора внешних врагов – варваров.

Об этом пишут авторы, придерживающиеся самых различных убеждений: от крайних левых радикалов до либералов и даже крайне правых. В этом отношении более чем красноречиво звучит название книги американского архиреакционера П. Дж. Бьюкенена «Смерть Запада» (2002).

Суть дела заключается в том, что капитализм к настоящему времени исчерпал все свои былые прогрессивные возможности. Он стал тормозом на пути развития человечества. Оказалось, что использование столь характерного для капитализма технического способа развития производительных сил в условиях этого общества приближается к пределу. В погоне за прибылью капитализм так развил технику, что она теперь ставит под угрозу природу планеты и тем самым существование человечества.

Капитализм на новом уровне и в новой форме возрождает господствующий в животном мире индивидуализм, разнуздывает зоологические инстинкты, разрушает мораль, лишает людей чувств долга, чести и совести и тем самым превращает их в особого рода животных – зверей, обладающих мышлением и техникой. Его сохранение обрекает человечество на деградацию, оскотинивание и в конечном счете на гибель. Чтобы выжить, человечество должно покончить с капитализмом.

Когда страны Запада лишатся возможности эксплуатировать остальной мир, то единственным для них выходом будет ликвидация капитализма. Когда он будет уничтожен во всем мире в обеих его формах (как паракапиталистической, так и ортокапиталистической), начнется эпоха перехода к обществу принципиально иного типа – обществу без частной собственности и эксплуатации человека человеком. Исчезнет деление человеческого общества в целом на исторический центр и историческую периферию. Человечество сольется в единое общество.

Но, к сожалению, полностью не исключен и другой вариант развития. Правители ортокапиталистического Запада, чувствуя приближение неминуемого поражения, могут решиться на применение ядерного оружия. Тогда и человечеству, и его истории придет конец. На третьей орбите от Солнца будет кружиться мертвая, безлюдная планета.

Изжитость капитализма и опасность, которую представляет для человечества продолжение существования этой экономической системы, более чем наглядно демонстрирует разразившийся в 2008 г. грандиозный вначале финансовый, а затем всеобъемлющий экономический кризис. Он заставил задуматься о будущем капитализма многих его закоренелых защитников, а правительства капи-

талистических стран – принять меры, которые идут вразрез с основными принципами функционирования капиталистической экономики. Глава Американской торговой палаты Э. Сомерс заявил, что кончилась эпоха свободного рынка и наступила эпоха государственного регулирования экономики, не исключая национализации банков и предприятий. Экс-глава Федеральной резервной системы США А. Гринспен прямо заговорил о полезности национализации банков страны в условиях жесточайшего кризиса. В США этот процесс уже начался, что побудило одного из наших публицистов опубликовать осуждающую статью под названием «Социалистические Штаты». Правительство ФРГ тоже планирует национализировать проблемные банки. Представитель Председателя Парламентской ассамблеи СЕ Мария де Белем Розейра охарактеризовала как глубокую ошибку господствующее мнение, что рыночные механизмы могут обеспечить решение социальных проблем. На деле их невозможно решить без ущемления «свободной» экономики. Президент Франции Николя Саркози заявил, что нынешний экономический кризис порожден «плохим» капитализмом, который до сих пор существовал, его нужно упразднить и заменить другим капитализмом, на этот раз – «хорошим». Существующий капитализм действительно должен быть уничтожен. Но заменен он может быть не каким-то иным – лучшим капитализмом, ибо такого нет и быть не может, а только обществом, основанным на общественной собственности на средства производства – коммунистическим.